

РОДОЛЬФ
ТЕПФЕР

ЖЕНЕВСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

Родольф Тёпфер

Атернский перевал

«Public Domain»

Тёпфер Р.

Атернский перевал / Р. Тёпфер — «Public Domain»,

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Родольф Тёпфер

Атернский перевал

При выходе из долины Шамони первой открывается взору Сервозская долина. Если снег уже исчез с соседних горных вершин, если луга вновь зазеленели, и заходящее солнце золотит окрестные скалы, эта долина, хоть и безлюдная, принимает приветливый вид. Кое-где рассыпаны одинокие хижины, а между ними находится небольшая гостиница, куда я зашел двенадцатого июня под вечер.

Из этой долины можно выйти различными путями. Некоторые идут большою дорогой, что проще всего. Но в те времена я был молод, считал себя завзятым туристом и презирал столь заурядный способ путешествия. Туристу надобны вершины, ущелья, опасности, приключения и всевозможные чудеса. Почему? Такова уж его природа. Как ослу не приходит в голову, что от мельницы до хлебопекарни можно идти не самым коротким, не самым ровным и удобным путем, так и туристу еще труднее представить себе, что от Сервоза до Женевы можно пройти не самой длинной, не самой крутой и скверной дорогой. Коммивояжеры, торговцы сыром, богачи и старые люди рассуждают, как ослы; писатели, художники, англичане и я рассуждали, как туристы.

Вот почему, явившись в Сервозскую гостиницу, я первым делом справился об особенностях здешних гор и переходов. Мне рассказали об Атернском перевале: узкий проход, зажатый между пиками Физа и подножьем Бюэ, трудная тропа, скалистая и голая вершина...

Я сразу увидел, что это именно то, что мне нужно, и решил завтра же пойти на поиски хорошего проводника. К несчастью, их не было во всей округе, и мне смогли указать лишь на охотника за сернами, способного, как говорили, заменить проводника. Но случилось так, что этого человека уже нанял английский турист, пожелавший отправиться в Сикст той же дорогой, что и я.

Я видел этого туриста: он сидел на пороге гостиницы, когда я туда входил. Это был *джентльмен* с благообразной внешностью, аккуратно и даже изысканно одетый, с очень изящными манерами, ибо он не ответил мне на поклон, когда я прошел мимо него. У благовоспитанных англичан это является признаком хорошего тона и светской привычки. Все же, когда я узнал, что единственного человека, который смог бы провести меня через Атернский перевал, нанял этот турист, я подошел к нему, очень желая уговорить его, чтобы он разрешил мне составить ему компанию, с условием, что я наполовину оплачу охотника за сернами.

Англичанин сидел, повернувшись лицом к Монблану, но впрочем на него не смотрел. Он зевал; в знак расположения зевнул и я, после чего счел нужным выждать несколько минут, чтобы дать милорду время освоиться с моей особой. Когда я почувствовал себя так, словно меня познакомили с ним, вернее *представили* ему, и момент показался мне подходящим, я ни к кому не обращаясь, вполголоса сказал: «Чудесно! Великолепное зрелище!»

Ни звука, ни движения в ответ. Я подошел поближе. «Сударь, – как можно учтивее обратился я к нему, – вы, конечно, прибыли из Шамони?»

– Дау!

– Я тоже вышел оттуда сегодня утром».

Англичанин зевнул второй раз.

«Я не имел удовольствия встретить вас по дороге, сударь! Вы, наверное, прошли через Бальмский перевал?»

– Ноу!

– Может быть через Прарион?

– Ноу!

– Вчера я перешел через Тет-Нуар, а завтра собираюсь отправиться через Антернский перевал, если найду проводника. Говорят, вам это удалось?

– Дау!...»

«Дау! Ноу! Черт бы побрал тебя, глупая скотина!» – выбранился я про себя. Потом, решив не медлить дальше, я спросил напрямик: «Не будет ли нескромно с моей стороны, сударь, если за неимением своего проводника, я попрошу у вас разрешения присоединиться к вам, оплатив наполовину вашего охотника за сернами?»

– Дау, будет нешкромна!

– В таком случае, я не настаиваю», – ответил я и удалился в полном восторге от интересной беседы.

В путешествии порой выдается чудесный вечерний час, когда медленно бредешь наугад по пустынной и нехоженной местности, беззаботно любуясь пейзажем, изредка перекидываясь словом со случайным прохожим, а потом, почувствовав разыгравшийся во время ходьбы аппетит, вспоминаешь об ужине, который уже ждет тебя, чтобы утолить, твой голод.

Прогуливаясь таким образом, я поднялся на усеянную обломками камней скалу, которую здесь называют «горой Сен-Мишель». На скале щипали траву две козы; увидев меня, они убежали; оставшись хозяином положения, я присел под двумя молодыми деревьями, которые там росли.

Обстановка, однако, вряд ли сулила мне приключение. Не жди ничего такого, читатель, прошу тебя! Я там сидел, только и всего. Но, поверь мне, сидеть в таком месте и в такой час, это уже очень много! Долина тонула во мгле, но с той стороны, где она открывалась на Монблан, лился ослепительный свет. Он играл красками, озаряя ледники этой величавой вершины, и ее зубчатые края необычайно красиво выделялись на темной синеве неба. Солнце садилось, и свет мало-помалу покидал ледяные плато и бездонные пропасти. С последним солнечным лучом исчез из виду и последний горный пик; казалось, что жизнь отлетела от природы. Но тут все органы чувств, очарованные и скованные до этой минуты волшебной силой гор, начали пробуждаться, смутно вспоминая долину: щека ощутила свежее дуновение ветерка, ухо услышало шум реки, а ум спустился с высот созерцания до мысли об ужине.

За козами пришел пастух. Обратное мы возвращались с ним вместе. Добрый малый кое-что знал об Антернском перевале, и я бы, конечно, предложил ему завтра быть моим проводником, если б не заметил, что он до крайности труслив. «Простые люди, еще так сям, но господа, нет! Снег наверху еще очень глубокий. Не прошло и недели, как у Пьера там пропали две свиньи и жена тоже. Она их гнала с ярмарки в Самуане. Да свиньи какие откормленные! Хоть бы она продала их, по крайности деньги были бы целы! Нет, в июне там идти плохо!»

Ссылаясь на «Путеводитель», который был у меня в руках, я стал доказывать пастуху, что путь этот, напротив, очень легкий, потому что Антернский перевал лежит на высоте 7086 футов над уровнем моря, тогда как линия вечных снегов находится на высоте 7812 футов. Но я не был уверен, что мои доводы убедили его, поэтому я вынул карандаш и тут же на обложке моего «Путеводителя» победоносно произвел вычитание, наглядно показавшее, что начиная от перевала, остается еще 726 футов голых скал, следовательно, там нет ни льда, ни снега!

«Ma s'y fias» ¹, – сказал он на своем наречии. – Я в ваших цифрах не смыслю, а вот слушайте-ка! Два года назад, в этом самом июне месяце там остался один англичанин. Сын. Я видел его отца: он был в трауре и плакал. Мы устроили ему угощение у Рено: перед ним положили сушеные орехи, мясо, пирожки, а он ни к чему не притронулся. Ему нужен был только сын. Через тридцать шесть часов ему доставили сына, да только мертвого».

¹ Не верьте этому! (прим. автора).

Мне стало ясно, что в голове у пастуха путаница: ведь не мог же мой «Путеводитель» ошибаться, да и вычитание, которое я произвел, не вызывало сомнений. Кроме того, меня немного манила к себе опасность, и если допустить, что пастух, склонный, как и все робкие умы, к преувеличениям, в чем-то все же был прав, то получалось, что среди всех прочих перевалов именно Антернский был для меня самым привлекательным. Итак, я не отказался от своего намерения пуститься в дорогу без проводника, – ибо у меня его не было, – зато с моим замечательным «Путеводителем». Оставалось только поспевать за англичанином, чтобы издали идти по его следам.

Когда я возвратился в отель, ужин был уже подан. Для меня накрыли маленький столик; немного поодаль за своим столиком сидел англичанин в обществе молодой девицы, его дочери, которую я раньше не видел. Она была свежа, как маков цвет, и очень хороша собой; но в ее манере держаться было заметно сочетание грации с чопорностью, что весьма часто встречается у молодых англичанок аристократического круга. Так как я знаю английский язык, я бы мог, не принимая участия в ее беседе с отцом, извлечь для себя кое-что полезное; но беседа их ограничивалась обменом односложными словами, выражавшими высокомерное презрение ко всему, что касалось обслуживающей их челяди, качества блюд и сомнительной чистоты посуды. Однако выбор блюд, заказанных англичанами, показался мне очень странным. Дочь велела подать ей большой величины бифштекс и даже соблаговолила приоткрыть хорошенькие губки для нескольких глотков вина, которое я почитал обязательной принадлежностью трапезы туриста. В это время милорд хлопотал над приготовлением чая, который составлял весь его ужин. Он производил эту операцию с величайшей тщательностью и с той серьезною важностью, какую вкладывает в это занятие каждый англичанин из порядочного общества. И хотя вся гостиница была на ногах, и слуги были готовы разбиться в лепешку, чтобы чай получился отличный, милорд принимал их усердие со сдержанной яростью, столь характерной для многих знатных англичан, когда они находятся в путешествии, в гостинице и вообще на континенте.

К концу ужина вошел проводник. «Эй, эй! вот что я скажу вам, сударь! Выйти надобно утром пораньше. Я только что посмотрел, какая будет погода: к полудню может начаться ураган, и на перевале нам придется худо. Там всегда много снега. И даже на зонтик мамзель надежда плохая!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.